Дагестанский Государственный Университет

Дадаев Ю. У.
Дадаев К. С.

НАИБЫ И МУДИРЫ ШАМИЛЯ

Махачкала 2019

В качестве последнего штриха к данным заметкам надо отметить, что имя Багатар (Багъатар) носил также известный аварский писатель Багатар Гаджиевич Гаджиев (1951–1978). Но родственную связь известного писателя с не менее известным наибом Шамиля подтвердить не смогли ни наследники писателя, ни его односельчане.

Материал подготовил М. А. АБАКАРОВ,
директор республиканского мемориального комплекса-музея «Ватан» в Хицибе

БАЙСУНГУР БЕНОЕВСКИЙ

Байсунгур Беноевский

Байсунгур (чечен. БойсагIар) из Беноя родился в селении Лом-Корц (одно из беноевских селений) в 1794 г. в семье чеченца Баршкъи из рода Эди-некчи, проживающего в ауле Беной (ныне Ножайюртовский район Чеченской Республики)[1].

Байсунгур оставил после себя доброе и честное имя, которое ассоциируется с такими бесценными понятиями, как величайшая храбрость и отвага, безграничная любовь к родной земле, преданность своему чеченскому и другим народам Кавказа. Среди всех руководителей народно-освободительной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа, предводителей сельских общин Дагестана и Чечни он был одним из самых прославленных.

Байсунгур был узденем среднего достатка. С детства он, как и его братья, отличался трудолюбием и упорством в достижении поставленных задач в жизни. Как в любой чеченской семье, он был приучен к честному и благородному труду[2].

По возрасту Байсунгур (р. 1794) был старше имама Шамиля (р. 1797), младше второго имама Гамзатбека (р. 1789), ровесник первого имама Газимухаммада (р. 1794) и шейха Ташав-Хаджи из Эндирея (родился приблизительно между 1794 и 1798 гг.). Байсунгур был единственным сподвижником всех трех имамов, который продолжал воевать с царскими войсками до конца своей жизни, вплоть до пленения в 1861 г. По длительности перенесенных страданий и лишений вследствие участия в народно-освободительной борьбе ему не было равных в XIX в. Он участвовал в народно-освободительном движении под руководством первого имама Газимухаммада до октября 1832 г., второго имама Гамзатбека до сентября 1834 г., Ташав-Хаджи – до 1843 г. и под руководством имама Шамиля до августа 1859 г. После пленения Шамиля с конца 1859 г. по февраль 1861 г. продолжал возглавлять освободительную борьбу горцев-чеченцев за свободу и независимость.

---

[1] *Хожаев Далхан.* Указ. соч. С. 286; *Ахмадов Я. З., Хасмагомадов Э. Х.* История Чечни в XIX–XX веках. – М., 2005. С. 268.

[2] *Дадаев Ю. У.* Байсунгур Беноевский. – Махачкала-Грозный, 2017. С. 39.

Среди сверстников Байсунгур отличался не только упорным трудолюбием, а также тем, что был хорошим бойцом, выносливым бегуном и ловким джигитом. Он рано научился скакать на коне, ухаживать за лошадьми, как и его братья. В Беноевском обществе был одним из первых в джигитовке. Юный Байсунгур мог расседлать коня на скаку, а затем подобрать упряжь с земли и снова, на скаку, оседлать коня. С такой же легкостью он мог на скаку подхватить с земли ружье и попасть в мишень[1].

Отец был первым его учителем. Он не только приучил Байсунгура к сознательному труду, но вместе с другими сыновьями научил его читать и писать. К 12 годам Байсунгур приступил к чтению Корана. С 12 до 16 лет Байсунгур учился у известных алимов Ичкерии. Мухаммад-мулла, под руководством которого одно время учился Байсунгур и другие чеченские алимы – старожилы, дававшие уроки ему, видя большие способности юноши к просвещению и наукам, его глубокую вдумчивость, удивительную способность трудиться над собой, в один голос утверждали, что «скоро им будет гордиться все Беноевское общество, вся Ичкерия, из него выйдет большой ученый или предводитель всех чеченцев»[2]. К 18-ти годам о Байсунгуре знали не только в Беноевском обществе, но и во всей Ичкерии как об образованном и трудолюбивом, благородном молодом человеке, хорошем и храбром наезднике, авторитетном предводителе молодежи[3]. Чеченские исследователи считают, что Байсунгур имел большие склонности к просвещению своего народа, он был автором утерянной летописи на арабском языке[4].

К 20-ти годам своей жизни Байсунгур пользовался большим авторитетом и уважением среди молодежи Беноевского общества и всей Ичкерии за свое трудолюбие, храбрость и благородные человеческие качества. Высокий, атлетического телосложения, стройный молодой человек, прекрасный наездник среди своих сверстников, он отличался не только храбростью и трудолюбием, но также стремлением всегда помочь нуждающимся, выступал поборником справедливости, достойно защищал общеджамаатские интересы, честь и достоинство своего рода, всех чеченцев. Старики, поражаясь его достаточно благородными и добрыми поступками, храбростью и безграничным мужеством, говорили: «Со временем он станет гордостью Беноевскогоо общества, всего чеченского народа и отдаст свою жизнь за торжество справедливости»[5]. С появлением царских войск под командованием А.

---

[1] Там же. С. 40.

[2] Полевой материал автора за 1994 г. Информатор Темиргераев Нажмудин Кехурзаевич (1913–2003) – участник ВОВ, инвалид II группы, правнук наиба Хату Мамаева, с. Гендерген Ножайюртовского района Чеченской Республики.

[3] Там же.

[4] *Хожаев Далхан.* Указ. соч. С. 211.

[5] Полевой материал. Информатор Бошид из с. Белты Ножайюртовского района Чеченской Республики; Юсуп Дадаев. АхIул ГохI – дир рекIел бухIи (Ахульго – боль моя). На авар. яз. – Махачкала, 1998. С. 239–240.

П. Ермолова в Чечне в начале 20-х годов XIX в. Байсунгур становится предводителем молодежи Беноевского общества и других, рядом расположенных сел Ичкерии.

Начиная с середины 20-х годов XIX в., еще в период народно-освободительной борьбы под предводительством Бейбулата Таймиева, добрые братские отношения сложились между известным ученым-богословом Ташав-Хаджи и предводителем Беноевского общества Байсунгуром. Известный чеченский историк Явус Ахмадов так пишет об этом: «Родившийся в конце XVIII в., Байсунгур участвовал в восстании 1824–1825 гг., а затем стал сподвижником имама Газимухаммада. К моменту появления шейха Ташу-Хаджи Байсунгур являлся уже старшиной Беноевского общества и одним из самых влиятельных людей в Ичкерии»[1].

Начиная с 1830 г. народно-освободительная борьба под предводительством первого имама Газимухаммада охватывает всю Чечню. Беноевцы, селения, которые посещал со своими проповедями имам Газимухаммад, были увлечены обаянием нового имама и последовали за ним. Беной стал опорой имама в Чечне. Шли жестокие сражения с царскими войсками. Сплоченные единым порывом дагестанцы и чеченцы наносили поражения русским, захватывали укрепления. Благодаря организаторским способностям и авторитету Байсунгура среди чеченцев идеи и дела имама Газимухаммада находят полную поддержку во многих обществах Чечни и Ингушетии.

Байсунгур и Султан-Мурад, пользующиеся огромным авторитетом среди своей общины, в других чеченских обществах и селах Ичкерии, оказывают полную поддержку имаму Газимухаммаду начиная с 1830 г. Они выступают в качестве его сторонников во главе чеченских ополченцев и конных формирований при осаде царской крепости «Внезапная» рядом с селением Эндирей на реке Акташ весной 1831 г. В том же году отважные всадники из Беноя участвуют в захвате города Кизляра[2].

Байсунгур как старшина Беноевского общества и Султан-Мурад в качестве его помощника вместе с Ташав-Хаджи Эндиреевским становятся самыми надежными сторонниками имама Газимухаммада в деле организации освободительной борьбы горцев против царских войск. Все действия имама Газимухаммада в Чечне с самого начала и до его гибели в октябре 1832 г. в Гимрах получают не только моральную, но и практическую поддержку этих храбрых представителей чеченского народа.

Первый имам Газимухаммад высоко ценил организаторские способности и ученость Ташав-Хаджи. В составе войска отряды чеченцев и кумыков, под предводительством Ташав-Хаджи, отличались дисциплиной и храбростью. Он был незаменимым помощником первого имама Газимухаммада и в деле идейного объединения дагестанцев и чеченцев,

---

[1] *Ахмадов Я. З., Хасмагомадов Э. Х.* Указ. соч. С. 268.

[2] *Дадаев Ю. У.* Байсунгур Беноевский... С. 46.

и пропаганды идей шариата, народно-освободительной борьбы. Ташав-Хаджи был также убежден в том, что старые адаты, обычаи дагестанцев и чеченцев, правосудие, система управления и власть народа должны быть заменены шариатом. Ташав-Хаджи прилагал для этого огромные усилия, за что Газимухаммад относился к нему с особым уважением, считал его своим преемником.

Когда в октябре 1832 г. имам Газимухаммад был осажден царскими войсками в Гимринском ущелье, Ташав-Хаджи со своим отрядом из числа преданных чеченцев, кумыков и аварцев, в числе которых были Байсунгур и другие беноевцы, предпринял попытку прорваться к нему через Салатавию и вдоль русла реки Андийское Койсу, но был опрокинут назад превосходящими численностью царскими войсками и шамхальской, хунзахской милицией, блокировавшими все пути к окруженному со всех сторон аулу Гимры[1].

После своего избрания имамом Шамиль установил тесные контакты с Ташав-Хаджи с его сподвижниками в Беноевском и других обществах Чечни.

С Шамилем и Гамзатбеком Байсунгур познакомился в период имамства Газимухаммада в 1831–1832 гг., когда горцы под предводительством имама совершали совместные рейды в царские укрепления «Внезапная» рядом с селением Эндирей на реке Акташ, в Кизляр, крепость «Грозная», Гудермес и др.

Тогда Шамиль и Байсунгур вместе участвовали в военных походах, оба командовали отдельными отрядами конных и пеших ополченцев, отбивали атаки противника и не раз смотрели в лицо смерти, оба были верными помощниками имама Газимухаммада.

Имам Шамиль и Ташав-Хаджи вместе с Байсунгуром основной задачей считали для себя и своих сторонников объединение народов Дагестана и Чечни в освободительной борьбе. Это было важнейшей предпосылкой для разработки широких военно-стратегических планов и организации государства Имамат. Именно поэтому шаги по объединению двух братских народов, предпринимаемые Шамилем и Ташав-Хаджи, Байсунгуром, особенно беспокоили кавказское командование[2].

В докладе командира Отдельного Кавказского корпуса Г. В. Розена военному министру Чернышеву в июне 1835 г. отмечалось расширение влияния имама Шамиля в Дагестане: «Невежественные поборники исламизма, признав своим главою Шамиля, ревностно принялись за распространение шариата... Кроме Тилитлинского общества к Шамилю присоединились Гумбетовское и Андийское общества и, сверх того, мятежник (Шамиль. – *Ю. Д.*) сей вошел в сношение с чеченским разбойником Ташав-Хаджи»[3].

---

[1] Там же. С. 63.

[2] Цит. по: *Закс А. Б.* Ташав-Хаджи – сподвижник Шамиля. – Грозный, 1992. С. 17.

[3] Отношение командира Отдельного Кавказского корпуса генерала от инфантерии Г. В. Розена военному министру генералу от кавалерии А. И. Чернышеву о расширении влияния имама Шамиля в Дагестане (июнь 1835 г.) // НОБДЧ. С. 115.

По нашим полевым данным, Байсунгур вместе с Ташав-Хаджи оказывал помощь имаму Шамилю в мобилизации дагестанских и чеченских обществ против царских колониальных войск в 1836–1839 гг.[1].

В мае 1839 г. генерал П. Х. Граббе организовал военный поход в Ичкерию с целью разбить войска Ташав-Хаджи и Байсунгура. Расчет был таков – разгромить горцев в Ичкерии, чтобы в последующем они не смогли оказать помощь имаму Шамилю при осаде Ахульго и не получить внезапного удара с тыла. Однако шестидневная карательная экспедиция П. Х. Граббе в Ичкерию завершилась бесславно. Царские источники считали ее результатом полное поражение наиба Шамиля Ташав-Хаджи. Но сам факт поспешного отступления царских войск и преследования их «разбитым» Ташав-Хаджи говорит совсем о другом. Несомненно, что отряды Граббе разорили и сожгли 11 мирных ичкерийских аулов и десятки хуторов, и также несомненно, что количественный состав отряда шамилевского наиба значительно уменьшился не в результате боестолкновения с противником, а в связи с тем, что большинство ичкерийцев разошлись по аулам для восстановления своих разрушенных очагов.

Байсунгур участвовал вместе с Ташав-Хаджи и другими чеченцами в походе со стороны Гумбета против царских войск и милицейских отрядов, окруживших Ахульго в начале июня 1839 г. двойным кольцом. Его отряды атаковали царские войска, следующие в сторону Ахульго, недалеко от аула Данух, старались прорвать кольцо окружения Ахульго с левого берега реки Андийского Койсу. В результате энергичной деятельности Ташав-Хаджи значительные силы царских войск, осаждавших Ахульго, были отвлечены и Шамилю удалось мобилизовать силы для его обороны.

Попытки чеченских отрядов во главе с Ташав-Хаджи и Байсунгуром оказать помощь осажденным горцам в Ахульго были отражены многочисленными силами противника. Ташав-Хаджи и Байсунгур вместе со своими единомышленниками вынуждены были отступить в сторону Беноевского общества. Байсунгур искал все возможные пути и средства для того, чтобы оказать помощь осажденным в Ахульго горцам. После падения Ахульго Шамиль, его семья и несколько его близких сподвижников, чудом спасшихся и раненных, отправились в сторону Чечни.

В Беное Шамиль и его сподвижники обсуждали и решали многие вопросы организации и мобилизации чеченских отрядов ополченцев для противодействия царским колониальным войскам. Байсунгур, Ташав-Хаджи, Солтан-Мурад, Шуаиб-мулла, Джавадхан из Дарго, Магомед из Герменчуга стали самыми первыми и самыми верными помощниками имама на чеченской земле.

До конца первой половины 1840 г., как видно из источников, у Шамиля в Чечне не было постоянной резиденции. Он вместе с чеченскими

---

[1] *Дадаев Ю. У.* Байсунгур Беноевский... С. 92.

сподвижниками, в числе которых был Байсунгур, и день и ночь ездил по Чечне. Шамиль объездил все общества, побывал почти во всех аулах, готовил народ к борьбе, создавал наибства, назначал наибов, их заместителей, кадиев, муфтиев и других лиц, обеспечивающих проведение в жизнь новых законов государства Имамат.

С этих дней Байсунгур как предводитель Беноя, старшина Беноевского общества становится наибом Шамиля в Беноевском обществе. В то время он был одним из самых известных храбрецов, пользующихся огромным уважением не только у чеченцев, дагестанцев, но и всех мухаджиров.

Между Байсунгуром и Шамилем, их семьями складываются очень теплые дружеские отношения. Беноевское общество становится не только надежным оплотом, мощной базой народно-освободительной борьбы дагестанцев и чеченцев, главным военно-политическим штабом, центром государства Имамат, но и вторым домом для Шамиля, его семьи, его близких и родных, для многих сподвижников из Дагестана. Его дом находился недалеко от столицы Имамата Дарго (примерно 5 км от Беноя до Дарго. – *Прим. авт.*). Он мог свободно, в любое время встретиться с Шамилем, многими его сподвижниками, учеными, выходцами из разных местностей Дагестана, Чечни и других мест.

При Шамиле Байсунгур хотя и не занимал высших государственных должностей, все же оставался бессменным главой Беноевского общества (возможно, что он имел и звание наиба, но без наибства). «Считавшийся одним из храбрейших воинов Кавказа, Байсунгур участвовал во многих сражениях...»[1].

Байсунгур своим авторитетом и делами предпринял большие усилия для сплочения и мобилизации чеченцев под предводительством имама Шамиля для освободительной борьбы, оказал вместе с другими чеченскими наибами и предводителями помощь Шамилю в мобилизации на борьбу с царскими войсками всех обществ Малой и Большой Чечни, прежде всего всех сел ауховцев, ичкерийцев, карабулаков. Байсунгур денно и нощно вместе с Шамилем объезжал самые разные чеченские общества, аулы, вплоть до границы с Грузией по Аргунскому ущелью и также по равнине до Назрани и Владикавказа. Он становится одним из самых энергичных и славных помощников Шамиля в создании общего дагестанско-чеченского государства под названием Имамат.

Немалая заслуга Байсунгура состояла и в том, что Шамиля начали с первых дней поддерживать такие видные чеченские предводители, как Шуаиб-мулла из Центороя (близкий друг Байсунгура), Джавадхан из Дарго, Ташав-Хаджи, Мааш из Зумсоя, Гаджимагомед из Герменчуга и

[1] *Ахмадов Я. З., Хасмагомадов Э. Х.* Указ. соч. С. 268.

многие другие. По чеченским преданиям, именно Байсунгур поддержал Шамиля при назначении первыми наибами Шуаиб-муллы, Джавадхана и Ташав-Хаджи и др.

Там, где выступали Шуаиб-мулла и Байсунгур, всегда были успех и победа, они не знали поражений в столкновениях с царскими генералами. Так, например, в октябре 1841 г. они возглавили объединенный поход чеченцев на Кизляр, который принес их воинам не только богатую добычу (они отняли у царских войск одну пушку), но и военную славу. Шуаиб-мулла и Байсунгур нанесли сокрушительное поражение царским войскам под командованием генерала-майора Ольшевского, пытавшегося отрезать пути их воинам в горы. Зимой 1841/42 г. Шуаиб-мулла и Байсунгур провели целую серию опустошительных набегов на Кумыкскую равнину, создав серьезную угрозу сообщению с Темир-Хан-Шурой и остальной линией[1].

В 1842 г. Байсунгур вместе с другими наибами участвовал в разгроме царских войск под руководством генерал-лейтенанта П. Х. Граббе в лесах Ичкерии, а также принял участие в освобождении Нагорного Дагестан от царских войск во второй половине 1843 г. О нем говорили как о храбром предводителе беноевцев, как способном и мужественном наибе имама Шамиля не только в Дагестане и Чечне, но и других уголках Кавказа.

В мае-июне 1845 г. Байсунгур находился также на передовых позициях и принял самое активное участие в разгроме царских войск под командованием наместника Кавказа графа М. С. Воронцова (т. н. Даргинская экспедиция), длившаяся 1 месяц и 20 дней. Потери царских войск в той экспедиции были громадны. Царское командование лишилось 4 генералов (Фок, Пассек, Викторов, Василевский), 186 офицеров и до 4000 нижних чинов убитыми; к этим потерям Воронцова следует еще прибавить потери отряда генерала Фрейтага и потери Лезгинского и Самурского отрядов[2], а также более 300 чел. пропавших без вести. Сам Байсунгур 10 июля 1845 г. был тяжело ранен и потерял одну руку, когда под его руководством горцы громили отряд царских войск под командованием генерала Клюки фон Клюгенау при переходе из Анди в Дарго во время так называемой «Сухарной экспедиции»[3].

В 1847 г. Байсунгур участвовал в обороне Гергебиля и всеми силами помогал наибу Идрису своим опытом и советами. Согласно преданиям, Байсунгур говорил наибу Идрису: «Жаль, Идрис, что у вас мало лесов, чтобы строить завалы, хитроумные заграждения, укрытия для лучших стрелков. Рука не поднимается трогать эти прекрасные сады, созданные

---

[1] Там же. С. 253.

[2] *Магомедов Р.* Указ. соч. С. 119.

[3] *Исаев А. А.* Эхо тысячелетий. – Грозный, 2015. С. 183.

вашими отцами и дедами. Зато у Вас достаточно камней, которые можно использовать для защиты своего очага. Будьте при встрече с врагом твердыми, как эти скалы и камни»[1].

Чеченцы во главе с Байсунгуром обеспечивали охрану со стороны садов северо-западной части Гергебиля[2].

В начале июня 1847 г., во время битвы за Гергебиль, пушечным ядром Байсунгуру оторвало ногу, а несколько чеченцев погибли на месте. Как передают народные предания, истекающего кровью, потерявшего сознание 53-летнего легендарного храбреца подобрали русские солдаты.

Весть о пленении Байсунгура мгновенно облетела горы. Шамиль, который наблюдал за сражением со стороны горы Ипата, тяжело переживал это известие и лично оказывал всемерную помощь друзьям и родственникам Байсунгура в организации побега из плена[3].

Однако соратникам и друзьям Байсунгура под предводительством его друга Султан-Мурада Беноевского в начале июля того же года, когда Байсунгура отправили из Темир-Хан-Шуринского госпиталя в крепость «Грозную», удалось его вызволить из плена[4]. Султан-Мурад вместе с братом Байсунгура Бирой и со своими братьями Мунаем и Ханмурадом, дагестанскими наибами установили, что он находится в военном госпитале в Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск. – *Ю. Д.)* и что в начале июля его должны отправить из военного госпиталя с оказией в штаб начальника Левого фланга в крепость «Грозную». Как отмечает Далхан Хожаев: «Оказию должна было сопровождать рота Куринского полка. Солтан-Мурад принял решение отбить Байсунгура в пути. Из Беноя к нему двинулись отборные муртазеки. Вместе с ними к Султан-Мураду прибыл доверенный имама с деньгами для выкупа Байсунгура. Нападение воинов Солтан-Мурада было удачным. Одноглазый, однорукий и одноногий Байсунгур был вырван из плена»[5].

Как проходила операция по освобождению Байсунгура из плена, мы досконально не знаем, но точно известно, что он был прооперирован известным хирургом Н. И. Пироговым в Темир-Хан-Шуринском военном госпитале в середине июня 1847 г., о чем свидетельствуют архивные документы: «8 июня 1847 г. Н. И. Пирогов отправился на Кавказ, чтобы непосредственно на поле боя испытать действие паров эфира при хирургических операциях. Для этой цели он вез 30 приборов собственного изобретения и 32 кг наркотического вещества, его сопровождали

---

[1] Полевой материал. Информатор уроженец с. Гергебиль Гергебильского района Республики Дагестан, завкафедрой Дагестанской медицинской академии, проф. К. Г. Махмудов, (1935–2015).

[2] *Дадаев Ю. У.* Наиб Идрис. – Махачкала, 2011. С. 206.

[3] *Хожаев Далхан.* Указ. соч. С. 289.

[4] Там же.

[5] Там же.

доктор Неммерт и фельдшер Калашников»[1]. Об этом сам Н. И. Пирогов написал в своей работе «Вопросы жизни. Дневник старого врача... (1879–1881)», где упоминается и о Байсунгуре Беноевском: «Эти отчаянные приверженцы Шамиля поражают нас твердостью и равнодушием к телесным страданиям. Один из них спокойно сидел на носилках. Одна нога была обвязана тряпками, я думал, судя по его равнодушию, что он ранен незначительно. Но каково же было мое удивление, когда, сняв повязку, я увидел, что нога его, перебитая ядром выше колена, висела только на одной коже! На другой день, после снятия бедра, он сидел между ранеными так же спокойно и с тем же стоицизмом. И я припомнил бесстрашного чеченца в госпитале Темир-Хан-Шуры. У него не было глаза и одной руки. Он попал в плен с тяжелым ранением, и мы ампутировали ему ногу. Говорят, после этого он воевал еще более 10 лет»[2].

О дальнейшей жизни и деятельности одноглазого, однорукого и одноногого Байсунгура мало сведений, также нет сведений об участии его в сражениях с царскими войсками начиная с 50-х годов XIX в. Видимо, тяжелые раны, физические неудобства, несмотря на особый кавказский дух достоинства и самолюбия, не позволяли ему активно участвовать в тяжелых боевых походах и сражениях. В тоже время по своему духу, самообладанию и мужскому характеру, как отмечают местные исследователи, он оставался одним из самых уважаемых личностей во всем государстве Имамат. Шамиль часто советовался с Байсунгуром и другими чеченскими наибами по разным вопросам организации вооруженного отпора постоянно наступающим многочисленным царским войскам[3].

К началу марта 1859 г., когда многие другие наибы стали переходить на сторону противника, Байсунгур был единственным сподвижником имама Шамиля из числа чеченцев, продолжавших вооруженную борьбу против царских войск на территории Чечни.

После пленения имама Шамиля в августе 1859 г. также единственным из числа дагестанских и чеченских близких сподвижников Шамиля, не прекративших народно-освободительную борьбу и не выразивших покорность Российской империи, оставался легендарный храбрец, наиб Байсунгур из Беноя.

Байсунгур – человек весьма одаренный, известный уже за пределами Чечни, Дагестана, стоял у истоков народно-освободительного движения в Ичкерийском округе в 1860 г. Во главе этого восстания стоял Байсунгур и его соратники, а центром восстания стал его родной аул – Беной. Из Беноя начали распространяться призывы и воззвания Байсунгура ко

---

[1] *Гаджиев Булач.* Царские и шамилевские крепости в Дагестане. – Махачкала. 2006. С. 218.

[2] *Пирогов Н. И.* Вопросы жизни. Дневник старого врача (1879–1881). – Иваново, 2008; *Гапуров Ш. А., Умхаев Х. С.* Беной в истории и культуре чеченского народа. – Грозный, 2016. С. 282; *Гаджиев Булач.* Указ. соч. С. 222.

[3] *Дадаев Ю. У.* Байсунгур Беноевский... С. 219.

всем жителям Ичкерии и других чеченских сел, хуторов и приграничных обществ Дагестана.

Народно-освободительная борьба под предводительством Байсунгура в официальных документах Кавказского командования получила название Беноевского или Ичкерийского восстания. Однако следует отметить, что инициатором этого восстания Байсунгур не был.

По приказу начальника Терской области ген.-лейт. Н. И. Евдокимова с весны 1859 г. на равнину начали насильственно переселять жителей высокогорных аулов Ичкерии. Так, осенью 1859 г. после пленения Шамиля была выселена по приказу Евдокимова часть жителей селения Беной, которых разбросали по «окрестным аулам»[1]. Эти и другие насильственные меры царского командования в лице Н. И. Евдокимова вызвали волнения и недовольства среди отдельных жителей Беноевского общества, которые начали приобретать массовый характер.

Как отмечают известные чеченские ученые Ш. А. Гапуров и Х. С. Умхаев, беноевские переселенцы на новых местах оказались без земельных угодий (т. е. без средств к существованию) и с наступлением весенне-полевых работ, во избежание голодной смерти, решили вернуться в родные места[2]. Царские власти потребовали от беноевцев немедленно вернуться на прежние места выселения. Однако горцы отказались выполнить этот приказ и пытались урегулировать проблему путем мирных переговоров.

26 мая 1860 г. полковник Беллик докладывал Евдокимову: «У князя Темир-Булата были на днях ичкеринцы, которые рассказывали, что беноевцы убедительно просили им дозволения поселиться на старых своих местах, в противном случае они все поклялись умереть, но не подчиниться»[3]. На все требования и просьбы беноевцев оставить их жить на родных землях российские власти отвечали категорическим отказом.

Байсунгур вместе со своим другом Султан-Мурадом, возглавив народно-освободительное движение в Ичкерии, выбрали тактику партизанской войны. Они прекрасно знали, что воевать против хорошо вооруженной и опытной царской армии будет очень тяжело. К восстанию быстро присоединились и другие аулы Ичкерии. Байсунгур написал воззвание к жителям Чечни и тайно разбросал свои письма по мечетям. С самого начала восстания к нему примкнули соседние с Беноем селения Энгеной, Гендерген, Зандак, Даттах, Байтарки, Саясан и Симсир. В присоединенных селениях с самого начала восстания он назначал своих уполномоченных[4].

---

[1] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6681. Л. 32 об.

[2] *Гапуров Ш. А., Умхаев Х. С.* Беной в истории и культуре чеченского народа. С. 121–122.

[3] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6696. Л. 361 об.

[4] *Дадаев Ю. У.* Байсунгур Беноевский.... С. 236.

Первые попытки властей быстро подавить восстание не имели успеха.

В мае волнения начались в Аргунском округе под предводительством двух бывших наибов Шамиля – Умы Дуева и Атаби Атаева. В июле 1860 г. Байсунгур добивается расширения восстания, охватив почти все селения Ичкерийского общества, его посланники получают согласие на участие в борьбе от отдельных сел приграничных общества Дагестана.

28 сентября 1860 г. на рассвете российские войска двинулись на штурм Беноя. Внезапно появившись перед Беноем, российские войска открыли ураганный артиллерийский огонь по аулу, нанесший большой урон восставшим. Село начало гореть в разных концах. К началу октября 1860 г. аул Беной был захвачен царскими войсками.

Однако основные силы повстанцев во главе с Байсунгуром и Султан-Мурадом отступили в горные ущелья и не собирались прекращать сопротивление.

В начале февраля 1861 г. восстание в Ичкерии под руководством Байсунгура было окончательно подавлено. 17 февраля 1861 г. у подошвы горы Беной Дук Байсунгур вместе со своими немногочисленными сподвижниками был окружен тремя летучими отрядами под командованием майора Муравьева.

28 февраля 1861 г. генерал Кемпферт докладывал в Петербург военному министру Сухозанету: «...Несмотря на отчаянное сопротивление, взяли в плен Байсунгура и четырех его сподвижников... захвачены также семейства Байсунгура и Султанмурада – всего 14 человек»[1]. Верный друг Байсунгура Султан-Мурад вырвался из окружения и ушел к аргунским повстанцам.

Газета «Кавказ» так описывала эпизод последнего боя Байсунгура: «В начале февраля генерал-майор Кемпферт, получив достоверные известия, что главный виновник бывшего мятежа в Ичкерии Байсунгур, успевший скрыться в горных вертепах от нашего преследования во время последнего поражения ичкеринцев, находится со своими сообщниками у подошвы горы Баян-Дук, на правой стороне Аксая, приказал начальнику войск Зандакского наибства майору Муравьеву сделать туда поиск, чтобы захватить этого мятежника. Выступив ночью («холодная была ночь и мороз, и туман, и снег глубокий») с небольшим отрядом («охотники и шесть рот пехоты») и пройдя скрытно к месту пристанища Байсунгура, майор Муравьев окружил его со всех сторон и взял в плен с семейством и с абреками, всего 14 человек»[2].

Достаточно подробные сведения о личности Байсунгура можно найти в Дневнике пристава имама Шамиля полк. А. И. Руновского, опубликованные в XII томе АКАК. «После обеда Гази-Магомет (сын имама Ша-

[1] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6685. Л. 3–3 об.

[2] Газета «Кавказ». № 18. 1861. 3 марта; № 24. 1861. 23 марта.

миля Газимухаммад. – *Прим. авт.*), воспользовавшись уходом младших членов своего семейства, сообщил нам разные новости, привезенные им с Кавказа и большею частью касавшиеся собственно его дел, но между ними были некоторые подробности о последних событиях в Ичкерии и Чечне; и так как часть этих сведений приобретена им из источников неофициальных, именно от горцев, являвшихся к нему в Темир-Хан-Шуре, – то рассказ его некоторым образом представляет собою отголосок мнения туземцев о причинах, породивших беспокойства.

Потомки и земляки у могилы Байсунгура. 2016 г. с. Ярык-су, Новолакского района Дагестана. Фото С. Ю. Дадаева

По его словам, начало беспокойств в Баяни (в Беное) произошло следующим образом. Известный Наиб Байсунгур, решившийся умереть, но не сдаваться русским, – видя нерасположенье беноевцев последовать его примеру, – удалился в окружающие Беной леса с целью поселиться там навсегда, для чего выстроил себе дом. За ним последовали только три человека, а чрез несколько времени присоединились еще пять или шесть. Вскоре после того, к Беною явился с отрядом полковник Али-Бек Пензулаев, потребовавший от жителей содействия к розыску и поимке Байсунгура. Беноевцы отвечали, что им Байсунгур не нужен, и потому искать его они не станут, а если нужен он отряду, то пусть отряд и ищет его: они препятствовать не будут.

На это им заметили, что если они не будут исполнять предъявленного требования, – то будут выселены из места своего жительства. Эта самая угроза и была причиною их восстания»[1].

[1] АКАК. Т. XII. С. 1454.

Выдержка из беседы А. Руновского с Шамилем. 9 июля 1860 г. Шамиль говорил: «Что касается аула Беной, жители которого, как нам известно, всегда отличались преданностью к Шамилю и ненавистью к русским, то, по убеждению Шамиля, не столько опасно их недоброжелательство, сколько фанатическая ненависть к русским наиба их Байсунгура по прозванию «Биргезъ» (одноглазый, кривой. – *А. И. Руновский*). Восстание этого аула, если только жив Байсунгур, неизбежно. В награду необыкновенной храбрости и преданности делу газавата Байсунгур получил от Шамиля две медали. Когда Гуниб пал, Байсунгур поклялся всенародно не снимать своих медалей и не прекращать войны с русскими до тех пор, пока не слетит с него голова. Поэтому на преданность беноевцев тогда только можно будет положиться, когда не будет между ними Байсунгура. Но этого, кажется, иначе нельзя достигнуть как с его смертью, потому что живым он едва ли отдастся в наши руки»[1].

Далее в беседе с Шамилем от 30 августа 1860 г. А. Руновский пишет: «Сам Шамиль обратил на это обстоятельство мое вниманье и потом заметил, что теперь, пока леса одеты еще зеленью, напрасно будто бы искать по ним зачинщиков беспокойств: во-первых, потому, что следует ожидать значительных потерь, а во-вторых, потому что с наступлением зимы люди эти, может быть, и сам Байсунгур, не имея возможности скрываться в лесах, – станут искать убежища в обществах, к которым принадлежат, и которые, ради собственного спокойствия и во избежание ответственности перед русским начальством, не захотят передерживать их. А потому, чтоб избегнуть невыгодных условий заарестования и выдачи их обществами, – зачинщики, по мнению Шамиля, явятся с повинною сами.

Кроме вышеизложенных сведений, Гази-Магомет рассказал еще небольшой эпизод, весьма резко характеризующий нравы горцев вообще, а личность Байсунгура в особенности. В начале последних событий ему было предложено сдаться. Посланные флигель-адъютанта полк Черткова сделали это предложенье, разговаривая с ним на кладбище. В ответ на их слова Байсунгур указал на ближайшая могилы и произнес: «Вот с ними поговорите вы о вашем деле, они вас услышат скорее, нежели я».

Шамиль говорил о Байсунгуре: «Да, это такой уж человек, я его хорошо знаю: он ни за что не изменит своему слову... Но, впрочем, он больше ничего не желает, как только умереть, сражаясь против христиан»[2].

Военно-полевой суд приговорил предводителя народно-освободительной борьбы чеченцев 1860–1861 гг. Байсунгура из Беноя к смертной казни через повешение. Его семья и сыновья Олхазур и Тахир вместе с

[1] Там же. С. 1447.

[2] Там же. С. 1454.

другими участниками восстания были сосланы в Сибирь, что стало основной причиной отсутствия сегодня прямых наследников Байсунгура.

20 марта 1861 г. главнокомандующий Кавказской армией генерал-фельдмаршал князь А. И. Барятинский издал приказ по армии, в котором говорилось: «Беноевский житель Байсунгур, по суду, произведенного на основании полевых Уголовных Законов, оказался виновным: в измене русскому правительству, произведении возмущения между ичкеринцами и другими горцами, с целью отмеживаться от подданства России, и в упорном сопротивлении с оружием в руках при взятии его нашими войсками, а поэтому подсудимого Байсунгура казнить смертью через повешение, о чем объявляю по войскам Кавказской армии»[1].

В воскресный день марта 1861 г. на площади перед церковью Хасавюрта приговор был приведен в исполнение. Тогда там была деревянная церковь (ныне на этом месте находится православный храм «Знаменский собор». – *Прим. авт.*), куда были согнаны люди из самого Хасавюрта и ближайших селений, здесь же присутствовали чеченцы, дагестанцы, пришедшие попрощаться и отдать дань уважения выдающемуся сыну чеченского народа, легендарному храбрецу, самому верному наибу и сподвижнику имама Шамиля Байсунгуру из Беноя[2].

Могила Байсунгура находится на старинном кладбище селения Ярык-Су (село Новолакского района Республики Дагестан) и стала местом паломничества дагестанцев, чеченцев, кавказцев – россиян, всех людей, искренне ценящих и берегущих человеческую храбрость и достоинство.